

Александр Грин

ЛУННЫЙ СВЕТ

РАССКАЗЫ

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г85

Грин, А.

Г85 Лунный свет / А. Грин. – М. : T8RUGRAM, 2018. – 162 с. –
(Модное чтение).

ISBN 978-5-521-07263-7

Александр Грин (1880–1932) – последний русский романтик, поэт, автор философско-психологических произведений, пронизанных необычайным символизмом.

«Лунный свет» – сборник восхитительных рассказов писателя, среди которых: «Дуэль», «Лесная драма», «Позорный столб», «Приключения Гинча», «Лунный свет» и многие другие. Настоящий мастер сюжетных ребусов, Грин погружает читателя в миры удивительных приключений и экзотических стран, которые надолго запомнятся каждому!

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

ISBN 978-5-521-07263-7

© T8RUGRAM, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Дуэль.....	5
Малинник Якобсона.....	8
Пришел и ушел.....	17
Лунный свет.....	22
Система мнемоники Атлея.....	38
Лесная драма.....	45
Позорный столб.....	60
Слова.....	66
Приключения Гинча.....	74

ДУЭЛЬ

Знаменитый ученый Исаак Феринг, будучи еще всего пятидесяти лет от роду, без единого седого волоса в пышных, черных как смоль кудрях, шел однажды по весеннему бульвару.

Он гулял, обдумывая одно из своих знаменитых изобретений.

Собираясь повернуть домой, Феринг заметил в конце аллеи молодую даму, одетую просто, но богато и, по видимому, кого-то поджидавшую. Едва успел он поравняться с ней, как дама подошла к нему, говоря:

— Милостивый государь, я знаю вас, вы — знаменитый ученый Феринг. Мне сказали, что вы каждый день гуляете здесь, по этой аллее, и я решила встретиться с вами здесь, чтобы сделать вам вызов. Меня зовут Евгения Дике. Я вызываю вас на поединок.

— По какому поводу? — спросил пораженный Феринг. — Разве я обидел вас чем-нибудь?

— Хуже. Вы разбили мою жизнь.

— Почему вы не пришли ко мне на квартиру?

— Я боялась, что наш разговор может случайно подслушать кто-нибудь из ваших домашних и помешать мне в этом деле.

— Хорошо. Теперь объяснитесь.

— У меня был муж, — сказала дама, — человек, которого я любила больше всего на свете. Он был изобретатель. У него было много гениальных планов и замыслов. По несчастному стечению обстоятельств случилось так, что вы напали на одни с ним идеи и некоторые из них

даже предвосхитили. Когда оказалось, что вами, немного раньше, чем успел он, мой муж, были опубликованы в совершенном, законченном виде различные открытия и изобретения, над которыми работал и мой муж, он не перенес разочарования и застрелился. Теперь я надеюсь убить вас.

— Это жестоко и глупо, сударыня, — мягко сказал Феринг.

— Как хотите. Если вы отказываетесь, я застрелю вас сейчас же.

Феринг задумался.

— Я, как получивший вызов, — сказал он, — имею право выбора оружия. Предоставляете вы мне это?

— Конечно. Тогда я хотела бы кончить это дело скорее.

— Дуэль будет американская — по жребию, и без свидетелей.

— Хорошо, я согласна.

— Тогда пойдете.

И Феринг привел даму к себе в квартиру, в свой роскошный кабинет, устланный дорогими мехами. Заперев дверь на ключ, он усадил своего, надо сказать очень красивого, врага в мягкое кресло и, порывшись в огромном ясеневом шкафу, достал два длинных флакона. В одном была жидкость яркого, рубинового цвета, в другом — светло-зеленого.

— Вот, — сказал Феринг, — наше оружие. Я бросаю монету. Если упадет она орлом вверх — вы выпьете красный флакон; решка — зеленый. В зеленом флаконе сильнейший яд, убивающий мгновенно. В красном флаконе

заклучен эликсир бессмертия. Кому-нибудь из нас предстоит вечное небытие или вечная жизнь. Этот эликсир изобрел я. Решайтесь!

Евгения Дике сидела и размышляла.

— Вечная жизнь! — прошептала она. — Не страшнее ли это смерти?

— Не знаю. Подумайте. Я имею право выбрать оружие, и я избрал это. Пройдут тысячелетия, сотни тысячелетий — кто-нибудь из нас будет еще продолжать жить. Он узнает все, вся мудрость вселенной будет в его глазах. Он захочет покоя. Он устанет. Ему надоеет жить. Но он не сможет убить себя, так как эликсир этот способен восстановить к жизни даже раздавленное поездом тело. Бессмертие Агасфера или добыча червей — решайтесь!

— Другое оружие! — сказала Евгения. — Я боюсь рискнуть... бессмертием.

— Нет.

— Тогда я... отказываюсь.

Она ушла. Феринг посмотрел на флакон и улыбнулся.

— Да, это — страшнее смерти! — сказал он.

МАЛИННИК ЯКОБСОНА

I

Геннадий долго сидел на набережной, шурясь от солнца и задумчивого речного блеска, пока острая тоска внутренностей не заставила его снова встать и идти на ослабевших ногах. Требовательный, злобный голод подталкивал его вперед, к маленьким тесным улицам, где в окнах домов меланхолически пахло воскресными пирогами, маслом, изредка и легким спиртным дыханием подвыпивших обывателей.

Сплевывая, чтобы не так тошнило от голодной слюны, попадавшей в пустой желудок обильными, раздражающими глотками, Геннадий плелся в теневой стороне домов, стиснув за спиной веснушчатые, покоробленные трудом руки. Он был плюгав, тщедушен и неповоротлив; наивные голубые глаза сидели в его по-воробыному взъерошенном, осунувшемся лице с выражением тоскливого ожидания. Он хотел есть, все его существо было проникнуто этой глубокой, священной мыслью. Рабочие, эстонцы и латыши, шли мимо него под руку с чисто одетыми женщинами и девушками.

«Жрали уже...» — завистливо подумал он, кряхтя от негодования.

Улица загибалась вниз, к набережной, и Геннадий снова увидел воду, но не повернул обратно, а двинулся вдоль реки, по узкой полосе мостовой. Маленький, старинный городок отошел назад, навстречу попадались телеги, рыбацьи домики, лодки, плоты. Через две-три сотни шагов

Геннадий остановился, присел на выдавшийся из глинистого откоса камень, свернул «собачью ногу» из махорки и хмуро плюнул в пространство.

Перед ним, переливаясь вечерним светом в зеленой полосе берегов, катилась река; у правого берега, разгружаясь и нагружаясь, стояли иностранные парусные корабли, паровые шхуны и барки. Свернутые паруса, реи, просмоленные, исцарапанные погрузкой борта дышали крепкой морской жизнью, свободой и тяжелым трудом и чем-то еще, похожим на затаенную тоску о далеком, всемирной родине, гармоничных углах мира, беспокойной свободе.

— За тридевять земель, — коротко вспомнил Геннадий.

Чужие страны развернулись перед ним, как противоположность его собственному, полуголодному существованию. Он представлял себе неимоверно тучные, бархатного чернозема поля, здоровеннейших, краснощеких людей, огромной величины коров, лоснящихся богатырей-коней, синее, аккуратно дождливое небо и отсутствие странников. Хозяева этой прекрасной страны ходили в ослепительно-ярком платье, не расставаясь с золотом.

Докурив, Геннадий тоскливо осмотрелся вокруг. Чужой город вызывал в нем легкую, тревожную злобу чистотой и уютностью старинных маленьких улиц; протянуть руку за милостыней здесь было почему-то труднее, чем в любом другом месте. Он встал, тихо, сосредоточенно выругался и зашагал по берегу с твердым решением попросить кусок хлеба у первого попавшегося окна.

II

Деревянный одноэтажный дом, к которому подошел Геннадий, стоял почти у самой воды. На Кольях, возле небольших мостков, сушился невод, в окне, уставленном горшками с растениями, колыхались чистые занавески. На крыльце, у почерневшей, массивной двери сидел, покуривая английскую трубку, человек лет семидесяти, колоссального роста, одетый в кожаную, подбитую красной фланелью куртку и высокие сапоги. Лицо, изъеденное ветром и жизнью, пестрело множеством крепких, добродушных морщин, рыжие волосы, выбритая верхняя губа и умные зрачки серых глаз сделали его похожим на грубое стальное изделие, тронутое желтизной ржавчины.

— Здравсьте! — сказал Геннадий, угрюмо ломая шапку.

Старик кивнул головой. Геннадий натужился, вобрал воздух и вдруг, жалко улыбаясь, сказал:

— Не будете ли так добры, Христа ради, кусок хлеба безработному? Верьте совести — не жравши два дня.

— Работай... — меланхолически произнес старик, пуская трубкой дым. Лицо его стало натянутым и рассеянным. — Работа есть, много работы есть.

— Игде? — с отчаянием воскликнул Геннадий. — Вот ей-богу, каждый так говорит, а поди достань ее. Хлопок грузили малость, это верно, а опосля и затерло. И то есть, как я попал сюда — не приведи бог!

— Марта! — крикнул старик и по-эстонски прибавил несколько слов, в тоне которых Геннадий уловил спокойное приказание. — Ты из Питера?